

Т. В. Дубровская

Пенза, Россия

**«СТУДЕНТЫ ОСТАВЛЯЮТ ЗА СОБОЙ ПРАВО ОТСТАИВАТЬ
СВОИ ПРАВА В ПРАВОВОЙ ПЛОСКОСТИ»:
К ВОПРОСУ ОБ ОБЫДЕННОЙ МЕТАЮРИДИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»)**

T. V. Dubrovskaya

Penza, Russia

**«THE STUDENTS KEEP THE RIGHT TO CLAIM THEIR LEGAL RIGHTS»:
THE ISSUE OF NON-PROFESSIONAL METALEGAL COMMUNICATION
(BASED ON THE SOCIAL NETWORK VK)**

Аннотация. На материале соцсети «ВКонтакте» исследуются обыденная метаюридическая коммуникация и свойственные ей дискурсивные механизмы. Показывается, как современные студенты становятся активными субъектами и интерпретаторами права, реагируя на приказ министерств анализом нормативных актов и обращением к руководству университета.

Ключевые слова: метаюридическая коммуникация, интерпретация права, приказ министерства, социальная сеть, студенты-медики.

Abstract. The author explores non-professional metalegal communication and its discursive mechanisms based on the data drawn from the social network VK. It is revealed how modern students become active subjects and interpreters of law, when reacting to a ministerial order with the analysis of normative acts and an appeal to the University's authorities.

Keywords: metalegal communication, interpretation of law, ministerial order, social network, medical students.

В последние десятилетия в Российской Федерации произошла интенсивная юридикация социальной жизни: правовому регулированию подлежат самые различные аспекты социальной жизни. Юридикация общественной жизни означает, что в юридической коммуникации участвуют не только профессиональные акторы правовой сферы, но и обычные граждане, которые читают законодательные тексты и нормативные акты, подписывают договоры и соглашения, тем самым вступая в юридически оформленные отношения с другими людьми или организациями, принимая на себя обязанности или получая права.

В современных исследованиях юридического дискурса все чаще и все более настойчиво выдвигается тезис о том, что правовая реальность строится не только законодателем, но и потребителем права. Такой подход характерен для сторонников социально-конструкционистской парадигмы, в которой право признается дискурсивной практикой. Как мы отмечали ранее, «в такой исследовательской парадигме язык рассматривается не как таковой, а в контексте происходящих дискурсивных процессов. Несмотря на то, что значение юридического документа или устного высказывания заложено в его семантических и синтаксических структурах, право получает дополнительные смысловые пласты в ходе социального взаимодействия» [Дубровская 2017: 101]. Э. Мертц приводит один из тезисов умеренного социального конструкционизма: в юридический дискурс вовлечены две стороны, а не только законодатели, что означает способность субъектов права отвечать на юридические нововведения. Эта способность определяет непредсказуемый характер правовых процессов [Mertz 2014]. По мнению М. Галдиа, границы юридического дискурса шире институционального правового дискурса, поскольку он охватывает также и неинституциональный контекст. Обязующая сила права имеет свой предел, и «для функционирования в обществе закон должен признаваться» [Galdia 2014: 34] (Перевод с английского здесь и далее мой. – Т.Д.). Идею о роли не-профессионалов как участников правовой коммуникации и интерпретаторов высказывает Р. Коттеррелл: «...Сообщества, интерпретирующие право, не ограничиваются профессиональными сообществами <...> Граждане-не-юристы также являются потенциальными толкователями права» [Cotterrell 2006: 100].

В настоящей статье на материале конкретного кейса мы попытаемся выявить некоторые **дискурсивные механизмы**, задействованные в **обыденной коммуникации** по юридическому поводу. В заглавии статьи мы обозначили этот тип коммуникации как обыденная метаюридическая, поскольку такое сочетание отражает участие в коммуникации непрофессиональных участников и их попытки публичной интерпретации нормативных актов, субъектами которых они являются.

27 апреля 2020 г. вышел совместный приказ № 378/619 Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации «Об организации практической подготовки обучающихся по образовательным программам высшего медицинского образования в условиях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации», в соответствии с которым руководителям организаций, реализующих образовательные программы высшего медицинского образования, предписывалось направить обучающихся старших курсов на практическую подготовку в медицинские организации, оказывающие помощь больным с диагнозом коронавирусной инфекции [Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 378/619 от 27.04.2020].

Приказ вызвал неоднозначную реакцию и бурную дискуссию среди самих студентов, их родителей, последовало широкое обсуждение этого приказа в СМИ и социальных сетях. В качестве материала был использован материал социальных сетей, в частности материалы группы «Подслушано в РНИМУ» в социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/ohshitnimu>). РНИМУ – это Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова (г. Москва), один из крупнейших и самых статусных медицинских вузов страны.

Прежде чем обратиться непосредственно к текстам и комментариям, касающимся приказа и его содержания, отметим, что столичные студенты демонстрируют большую вовлеченность в метаюридический дискурс. Для сравнения, в группе студентов Пензенского государственного университета «Подслушано в ПГУ» ВКонтакте рассматриваемый приказ не обсуждался вообще, несмотря на значительное количество студентов-медиков в университете. Интересно также, что приказ не сразу был размещен на сайтах министерств, однако текст документа быстро распространился среди столичных студентов, в основном через мессенджеры и социальные сети. В этом смысле показательна роль современных технологий в распространении юридического знания и вовлечении субъектов права в метаюридическую коммуникацию: юридическая информация поступает потенциальному ее потребителю не только в ответ на его запрос, но и при отсутствии такового. Причем технически легко переслать полный текст документа, с которым можно сразу ознакомиться с технического устройства, а не краткое и авторски адаптированное изложение текста документа, которое неминуемо будет содержать искажения.

Помимо небольших по объему постов и комментариев, касающихся приказа, уже 5 мая 2020 г. в группе «Подслушано в РНИМУ» появилось объемное обращение студентов вуза к своему ректору (рис. 1). Оно набрало 19 496 просмотров (на 19.06.2020) и вызвало последующую дискуссию в комментариях.

Рис. 1. Скриншот поста

Приведем полный текст обращения с соблюдением орфографии и пунктуации авторов:

«Уважаемый Сергей Анатольевич,

Студенты обращаются к вам с мирной инициативой по реализации приказа 378/619.

Студентами была проделана тщательная работа по анализу вышедшему 27 апреля приказу 378/619.

Студенты пришли ко мнению, что данный приказ не может быть выполнен в формате обязательной практики в приемлемый для данной эпидемиологической ситуации срок с приемлемым качеством без нарушения ряда законодательных актов (см. прикрепленный документ).

Поэтому мы (студенты вуза) направляем свою инициативу:

признать приказ 378/619 невыполнимым в допустимый срок в нужном качестве в формате обязательной студенческой практики.

Мы предлагаем альтернативу:

Так как практики в рамках учебного процесса, мы призываем к тому, чтобы подобные меры, были основаны на добровольности: добровольная практическая деятельность, волонтерская или трудовая.

Среди студентов есть люди, готовые помочь вузу и государству в добровольном порядке.

Добровольная инициатива может позволить в кратчайший срок привлечь дополнительный профессиональный ресурс в нуждающиеся в этом мед. учреждения

В иных случаях, студенты оставляют за собой право отстаивать свои права в правовой плоскости и требовать привлечения к ответственности лиц, нарушающих нормативно-правовые акты в процессе выполнения приказа, согласно законодательству Российской Федерации».

Начало обращения вежливо, но эксплицитно формулирует цель письма, а дальнейшая логика поста отражает предпринятые студентами аналитические шаги. Пост содержит указания на попытки студентов проанализировать правовые нормы, а также резюме, требования студентов и их план дальнейших действий (*признать приказ невыполнимым; студенты оставляют за собой право отстаивать свои права в правовой плоскости*).

Лингвистическими маркерами вовлеченности студентов в правовую реальность служат не только лексические единицы и конструкции, связанные с правовой сферой (*приказ, нарушение ряда законодательных актов, в допустимый срок, отстаивать права, правовая плоскость, привлечение к ответственности, нормативно-правовые акты, согласно законодательству Российской Федерации*), но и многочисленные авторизирующие конструкции, реализующие функцию самореференции от 3 лица (*студенты обращаются, студенты оставляют за собой право и др.*) и от 1 лица (*мы (студенты вуза) направляем свою инициативу, мы предлагаем альтернативу*).

Участие в формировании правовой и, шире, социальной действительности происходит не только через протест против принятого приказа, но и через предложение альтернативы: *«Мы предлагаем альтернативу: ... мы призываем к тому, чтобы подобные меры, были основаны на добровольности...»*.

Другая часть поста, обоснование, прикрепленное ниже, имеет объем 1,5 страницы и содержит ряд тезисов, в которых авторы выявляют несоответствия между разными источниками правовых норм. Метаюридический дискурс выстраивается вокруг нескольких проблем правового поля:

1. Применение и значение терминов. Так, авторы обоснования подробно обсуждают различия между терминами «практика» и «практическая подготовка», а также со ссылкой на федеральное законодательство предлагают определение практики:

*того, чтобы направить студентов на практику, она должна соответствовать определению (273-ФЗ, с.2, п.24): **практика** – вид учебной деятельности, направленной на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенции в процессе выполнения определенных видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью*

*А так же, согласно Приложению к приказу Минобрнауки N 1383 данная практика **должна иметь утвержденную программу практики, которая должна содержать обязательные сведения указанных в пункте 3 названного Приложения.***» (Выделение жирным в примерах оригинальное.)

Авторская логика подводит к тому, что при невыполнении обозначенных требований (утвержденная программа практики) направление студентов на практику невозможно.

Авторы поднимают и другой терминологически ориентированный вопрос – вопрос разграничения и определения «зеленых» и «красных» зон в медицинских учреждениях, точнее отсутствие юридического определения зон при том, что эти категории используются при распределении студентов по местам практики:

*«**Понятие «грязных» и «чистых» («зеленых» и «красных») зон юридически нигде не закреплено.** Так как площадка прохождения практики вне зависимости от зоны является единой физической территорией, то студенты будут направлены в одинаково опасные условия и на них всех распространяется ранее изложенное».*

2. Соотношение нормативных источников и противоречие между ними, в том числе между обобщаемым приказом и федеральным законодательством:

*«Новая **практики** (и ее программа) **должна войти в новую Обязательную Образовательную Программу Высшего Образования (ООП ВО)**, которую должен подготовить и утвердить вуз согласно прави-*

лам утвержденным внутренними правовыми актами учреждения. Согласно 273-ФЗ ст. 12 п. 9 изменения в ООП ВО должны соответствовать ФГОС – подтверждение данного соответствия является обязанностью аккредитованного образовательного учреждения».

Утверждения со средствами деонтической модальности (*должна войти, должен подготовить, должны соответствовать*) имплицитно невыполнение перечисленных критериев при организации новой практики, а значит, её юридическую несостоятельность.

3. Распределение ответственности между вузом и медицинским учреждением. Так, авторы обращения отмечают двусмысленность ситуации и правовую коллизию, при которой трудовой договор студента с медицинским учреждением фактически снимает с вуза ответственность за условия практики, хотя практика представляет собой часть учебного процесса:

«Согласно 273-ФЗ ст.28 п. 6 ч.2: вуз обязан создавать безопасные условия обучения (прим. Практика является частью учебного процесса), согласно ч.3: соблюдать права и свободы учащихся и согласно п.7: несет ответственность в установленном законодательством РФ порядке.

Обучающиеся в праве заключать Трудовой Договор с площадкой прохождения практики, если его труд будет носить рабочий характер, и появление трудовых отношений у студента снимает с вуза ответственность за его жизнь и здоровье (273-ФЗ)».

В рамках настоящей статьи не представляется возможным подробно рассмотреть и классифицировать высказывания-реакции на пост. Отметим только два принципиально важных, на наш взгляд, типа реакций, отражающих специфику обыденной метаюридической коммуникации:

1. Юридически ориентированные реакции, комментирующие суть поста, т.е. правовые аспекты ситуации:

«Я правильно понимаю, что:

1) авторы предлагают ректору на основании прикреплённого документа обжаловать совместным приказом Минобра и Минздрава?

2) авторы утверждают "Принуждение к практике бессмысленно, все больницы одинаково ковидные с точки зрения закона" => на практику выходят только те, кто хотят этого?

3) авторы утверждают, что заключение трудового договора может быть только добровольным, а насильно трудоустраивать людей нельзя?

Может там ещё какие-то выводы были, которые я упустила».

2. Обыденные реакции, в основном морально-этические оценки авторов поста и других акторов ситуации:

«Правильно делаете, надо отстаивать свои права!»

«Если ещё понабегут эти вот, которые:

– Какие из вас врачи будут?

– Знали, куда шли

– Кто, если не вы?

– Вас государство учит!

– Клятву клептократы давали!

– Вы нужны Родине!

– Флаг в руки и вперёд, это "бесценный опыт"!

Знайτε, вы не патриоты, а враги народа, пусть вас знают в лицо».

Краткие выводы, которые можно сделать на основе анализа данного кейса, охватывают как социальные, так и языковые аспекты ситуации. Прежде всего, очевидно, что российская студенческая молодежь не изолирована от юридической реальности и в действительности сталкивается с ней намного раньше, чем это произошло с людьми среднего и старшего возраста. В анализируемой ситуации студенты становятся активными субъектами и интерпретаторами права, реагируя на приказ анализом нормативных актов, который представляют как обоснование собственной позиции. Важно в этом контексте отметить и роль соцсетей в осуществлении юридической и метаюридической коммуникации: соцсети используются и для распространения собственно нормативных актов, и для формирования метаюридического дискурса, выработки непрофессионального общественного мнения (пусть и в рамках ограниченной аудитории) относительно правовой реальности. Кроме того, соцсети, выступая площадкой для обсуждения правовых норм, одновременно способствуют и формированию чувств коллегиальности и принадлежности к профессиональному сообществу. (Об особенностях коммуникации в профессиональных сетевых сообществах мы подробно писали ранее [Данкова, Дубровская 2019].)

С точки зрения языка, позиция субъектов права изложена не всегда достаточно связно и грамотно, в некоторых фрагментах логический вывод оказывается не выражен эксплицитно. Тем не менее стратегически продуманная форма изложения и структура поста позволяют утверждать о вовлечении юридическую реальность двух сторон и о той способности субъектов права отвечать на юридические нововведения, о которой пишет Э. Мертц. В то же время метаюридический характер коммуникации определяет возможность выхода коммуникантов за рамки юридического в область морально-этического и оценочного, что находит выражение в обыденном типе реакций на пост.

Библиографический список

1. Данкова, Н. С. Жанры профессиональных интернет-сообществ в аксиологическом аспекте / Н. С. Данкова, Т. В. Дубровская // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 38, № 4. – С. 551–561.
2. Концептуализация межнациональных отношений в юридическом дискурсе // Политический, юридический и массмедийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации : коллективная монография / Т. В. Дубровская, Е. К. Рева, Е. А. Кожемякин, Я. А. Ярославцева, Д. В. Арехина ; под общ. ред. Т. В. Дубровской. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2017. – С. 99–165.
3. Приказ Министерства здравоохранения РФ и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 378/619 от 27.04.2020. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/COVID-19/27042020_619.pdf (дата обращения: 20.06.2020).
4. Cotterrell, R. Law, Culture and Society: Legal Ideas in the Mirror of Social Theory / R. Cotterrell. – Aldershot : Ashgate, 2006. – 206 p.
5. Galdia, M. Legal Discourses / M. Galdia. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2014. – 449 p.
6. Mertz, E. A new social constructionism for socio-legal studies / E. Mertz // The Law & Society Reader II. Larson / E. and Schmidt P. (eds.). – New York ; London : New York University Press, 2014. – P. 176–181.